

Здесь поэт Рубцов

гостил когда – то

Воспоминания о встречах в селе Липин Бор

с. Липин Бор
2023

Дорогие читатели!

*В 60-е годы XX века известный русский поэт
Николай Михайлович Рубцов неоднократно бывал в Липином Бору.*

Жители села любят творчество Николая Рубцова

и бережно хранят память

о пребывании поэта в Липином Бору.

В учреждениях культуры и образования,

в редакции районной газеты «Волна»,

а также в гостиницах райцентра размещены стенды

с информацией о поэте.

В районной библиотеке действует постоянная выставка,

освященная Рубцову, проходят мероприятия

в Рубцовской литературно-музыкальной гостиной.

В 2021 году на здании редакции районной газеты «Волна»,

где останавливался Николай Михайлович, установлена памятная доска.

В этой книге собраны воспоминания о пребывании знаменитого поэта

в Липином Бору, стихи местных авторов,

посвященные Николаю Рубцову, и его стихотворения о нашем селе.

Сосен шум

В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю.
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

Здание редакции

Под соснами Липина Бора

Над Липиным Бором — мерцанье.
Над Липиным Бором — светло.
Как всяких забот отрицанье,
Седое почило село...

Еду, я еду по свету,
Я знаю, что будет потом:
Россия! Куда ни приеду,
Ты всюду отчизна и дом!

Под соснами Липина Бора
Над озером Белым во мгле
Мне нравится вид с косогора
И воздух на этой земле.

И только, когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берез...

Гуляевская горка

Остановись, дороженька моя!
Все по душе мне – сельская каморка,
Осенний бор, Гуляевская горка,
Где веселились русские князья.

Простых преданий добрые уста
Еще гласят о том, что каждодневно
Гуляла здесь прекрасная царевна, -
Она любила здешние места.

Да! Но я вполне счастливый тип,
Когда о ней тоскую втихомолку
Или смотрю бессмысленно на елку
И вдруг в тени увижу белый гриб!

И ничего не надо мне, пока
Я просыпаюсь весело на зорьке
И все брожу по старой русской горке,
О прежних днях задумавшись слегка...

Из книги Нинель Старичковой

«Наедине с Рубцовым»

...На следующий день Коля пришел один в очень хорошем настроении, решительно сел на свое любимое место. Посмотрел на меня, опустил глаза, снова посмотрел и вдруг громко выпалил:

— Это я тебя открыл! - И выбросил кверху руки, как это делал всегда в восторге.

— Это же я!.. Это же я!.. — он несколько раз повторял и повторял, пружинисто покачиваясь на диване, голосом выделая «я».

Смотрю на него с интересом, какой он всегда разный! Коля же, заглядывая мне в лицо и улыбаясь:

— Ты хочешь знать, что о тебе сказал Белов? - И, как обычно, тут же продолжает:

— Он сказал, что у тебя есть душа, а это сейчас редко...

Вот такую новость он мне выложил, а мне не терпится сообщить, что скоро пойду в отпуск, а в сентябре профсоюз обещал путевку в Харовский дом отдыха. Возможно, сначала поеду в Липин Бор дней на десять. Давно мечтала побывать на родине.

Это решение его озадачило, но отговаривать не стал. Спрашиваю: «А ты придешь меня провожать?» Не отвечает, а согласно кивает головой. И вот наступил день отъезда.

Коля пришел к назначенному сроку серьезный и озабоченный. Мне было жаль с ним расставаться, но билет на самолет уже взят, чемоданчик уложен.

В автобусе кто - то громко крикнул:

— Коля, ты куда?

— В аэропорт. Провожаяю...

А кого — не сказал. Вот все – таки, какой скрытный! Все у него в тайне.

В аэропорту сообщили, что рейс откладывается. Пришлось ждать. Зашли в столовую. Он показал головой в сторону, где обедал летный экипаж, и сказал: «Хорошие они ребята. Я бывал у них».

Пошли в буфет. Я купила с собой антоновских яблок, он взял бутылку вина и попросил подождать его на улице.

— Я скоро...

Вышла, огляделась. Даже присесть негде. Скамеек нет. Все ступени у крыльца и пустые ящики заняты пассажирами.

Неподалеку — березки. Прошла к ним, встала в тень.

Вскоре вышел из столовой Коля, а с ним подвыпивший мужичок, какие обычно

в канавах валяются.

— Вот, — думаю, — нашел себе собутыльника! - А тот не отходит от нас, да еще ко мне с любезностями. Но Коля осадил его: «Она не то, что ты думаешь...». Мужичок сразу съезжился виновато и исчез.

Я опустила на лужайку чемоданчик, приоткрыла, чтобы выложить туда из сетки яблоки и хотела уже закрыть, но Коля придержал мое движение:

— Подожди, дай взглянуть. У тебя все голубое, розовое, а у меня в чемодане бумаги, рукописи, книги или... (сделал паузу) кукла.

Подумала: «Опять кукла!» Помолчали, продолжая стоять под березами, думая о своём.

Листва на деревьях была густая, зеленая, но кое-где желтые листочки напоминали, что идет последний летний месяц. Вот один из них сорвался и, подхваченный воздушной волной, покачался над Колиной головой, и опустился ко мне на плечо.

Коля взял его рукой и быстро сунул в верхний карман пиджака, улыбнулся и сказал: «Привет осени».

В конце концов, стоять уже надоело, а рейс все откладывался. Пошли к вокзалу. И там все деревянные ступени облеплены ожидающими. В зале тоже многолюдно и душно.

Решили побродить по территории. Коля заглядывал в лица встречных, словно хотел увидеть знакомых. С некоторыми останавливался, разговаривал.

...Как у него все легко получается. К незнакомому человеку подходит, начинает спрашивать, как-будто это все его родственники. Я не могу так, как всегда погружена в себя, в свои думы, во всем окружающем вижу одного Рубцова.

Он, видимо, чувствовал мое состояние, хотел развеять печальные мысли, даже сердился:

— Ну почему ты только на меня смотришь? Надо все видеть, запоминать. Видишь, там майор стоит. Смотри... (хихикнул) какие у него усы!

Наконец самолет прибыл. Я улетаю. Рубцов остается в Вологде.

Липин Бор встретил меня приветливо. Вокруг было солнечно и прозрачно. Знакомый с детства запах сосновой хвои успокаивал. Дышалось легко и свободно, особенно после мелкого теплого дождика.

Разбуженная такой благодатью грибница выталкивала на свет грибы. Их было видно - невидимо. Они росли даже в парке поселка (для меня в детстве это был мой лес). Поплыли в памяти детские воспоминания: и светлые, и грустные (в то далекое время шла война и счастливых детей, пожалуй, не было).

Сами собой появлялись взволнованные строчки стихов, и я стала записывать их в школьную тетрадку:

За бором — бор, за сказкою — сказка.

Хотелось мне в той сказке побывать.

Просилась я и плакала напрасно.

Меня в Заборье не пускала мать...

Уже на второй день поняла, что длительной разлуки с Колей не выдержу, и решила пойти в аэропорт (он за поселком), узнать о предварительной продаже билетов на Вологду.

Иду по пухлой дороге. Ноги вязнут в сыпучем песке. Навстречу с прилетевшего самолета идет группа приезжих. И... вот чудо! Так только в сказках бывает. Впере-

ди всех не идет, не бежит, а летит Коля Рубцов. Ну и впрямь окрыленный! Поравнявшись со мной, улыбающийся, веселый, на мгновение задержался, поздоровался.

— Ты куда? — спрашиваю.

Он бросил на ходу: «В командировку... Мы еще увидимся». И помчался дальше. Посмотрела ему вслед. Почему он так спешит? Навстречу кому, чему? Вечером в доме тещи моего брата, где я остановилась, узнаю новость: «Твой знакомый сразу же с ведром в лес побежал».

— Не может быть, — говорю, — обознались, наверное...

— Нет, это был он, — смеется квартирантка хозяйки Зина, — я же видела, как он с тобой здоровался.

Начинаю верить: в поселке каждый новый человек запоминается. Коля любит лес — это верно. Но откуда у него ведро?

На следующий день утром я пошла в магазин, смотрю и глазам не верю. Навстречу (невдалеке от столовой) быстрым шагом идет Коля с мужчиной в темном добротном костюме. Они о чем-то разговаривают.

Увидев меня, Коля радостно вскинул руки и, что - то быстро проговорив попутчику, подошел ко мне.

Спросила:

— Кто это, твой знакомый?

— Это председатель райисполкома, — ответил Коля, — Говорил ему, что в поселке парикмахерской нет. Это непорядок. Как же так ходить? (Провел рукой по небри-той щеке). А у меня с собой ничего нет...

Потом:

— Надо в один дом зайти. Пойдем вместе. Это недалеко.

На втором этаже деревянного дома из двери нам навстречу вышел мужчина за руку с мальчиком, и мы, не заходя в комнату, стали спускаться обратно по лестнице. Вышли на улицу. Мужчина и Коля быстро о чем-то переговорили.

Коля остался со мной и признался, что не хочет больше беспокоить эту семью.

— Если можно, то к тебе...

Домик, где нам предстояло жить под одной крышей у тети Лили (так я ее еще в детстве называла), очень понравился Рубцову. Первыми его словами, как только он перешагнул порог, были:

— Вот как у вас!

— Как? — переспросила хозяйка.

— Хорошо. По-деревенски. Цветы, половики...

Это немножко обескуражило тетю Лилию. Она не знала, что это наивысшая похвала ее укладу в доме, чистоте и уюту. Он потом напишет:

«Остановись, дороженька моя!

Все по душе мне — сельская каморка,

Осенний бор,

Гуляевская горка,

Где веселились русские князья».

Память о Гуляевской горке у меня осталась с детства. Мы, ребяташки, туда ходили за земляникой. Мой рассказ о Горке подтвердила и тетя Лилия, когда втроем пошли за грибами в Красный бор.

Уезжая в Липин Бор, я захватила с собой тетрадку в надежде, что смогу заполнить ее стихами.

Коля, видимо, чувствуя мое состояние, вдруг в упор спрашивает:

— Пишешь?

— Немного...

— Покажи.

Что делать? Достая тетрадку, подаю ему.

Он ласково провел рукой по обложке, вздохнул и груст-но произнес:

— Давно в тетради не писал...

— А что у тебя?

— Так, разное... просто бумага...

Рубцов держит в руках тетрадь, а я, как школьница, не знаю, куда девать руки. Стою перед ним, как на экзамене.

Пока Коля читал стихи, было ощущение, что лечу куда-то в пропасть, даже сердце замерло. По выражению лица не понять, нравятся ему стихи или нет. Прочитал. Серьезно взглянул на меня:

— Хорошие стихи ты написала, особенно эти строчки:

«Просилась я и плакала напрасно.

Меня в Заборье не пускала мать».

— В детстве я тоже много плакал. Да, да, Неля, я тоже плакал.

Снова смотрит в тетрадку:

- Это, второе, тоже хорошее, но первое лучше, - начал читать вслух:

«Сегодня мне и холодно, и грустно...

... Пусть будет дождь или густой туман.

На сердце стало зыбко и тревожно:

Осенний зов, похожий на обман».

Переспросил: «Похожий? Нет, лучше сказать так: осенний зов. Похоже на обман».

Согласилась: «Пусть будет так».

На другой день вместе с хозяйкой дома взяли корзины и отправились в воспе-тое мною Заборье. Долго кружились в Красном бору, даже уходить не хотелось: светло, солнечно, просторно. Среди белого мха, как в сказке, на скатерти - са-мобранке обилие грибов — целые выводки маслят, моховичков. Нагулялись до-сыта. Присели отдохнуть, тут и про Гуляевскую горку вспомнили. День клонился к вечеру. Стало прохладно. Тетя Лиля зябко передернула плечами и только успела ска-зать: «Что - то холодно стало», как Коля снял с себя пиджак и набросил ей на плечи.

«Ах, какой рыцарь! Я в более легкой одежде, в коротком безрукавом ситцевом платье, голоногая, а он и не заметил» — Обиделась даже, в соседнюю рощицу ушла. «Почему он так? Подлизывается к ней, что ли? Что за человек этот Рубцов?»

Слышу, зовет (заметил, что меня нет), но не отзываюсь. Пусть найдет. Нашел, и очень быстро. Убедилась, что он в лесу, как в родном доме.

— Почему ушла?

— Посмотри на меня. Как ты думаешь, мне не холодно?

— Да, тебе холоднее... — покачал головой, опустив гла-за.

На обратном пути присели отдохнуть на скамью под навесом на перекрестке лесных дорог. Но Коля и двух минут не высидел, вскочил и — к крохотному со-сно-вому «островку», что совсем рядом. Кажется, только заглянул и сразу обратно, а в корзине сверху одни креп-кие белые грибы. Мы удивляемся: «Вот это грибник!» А он только смеётся.

Тот, кто хорошо знал и любил Рубцова, наверное, поймет, какой радостью было для меня ежедневное его присутствие. Иногда он был робким, послушным, как ребенок, иногда поднимался в моих глазах до такой неизмеримой высоты, что становилось не по себе.

Мы целыми днями бродили по парку, выходили к озеру, к речке по знакомым мне с детства тропам. То метровое расстояние, которое нас разделяло во время прогулок, разверзлось огромной пропастью. И откуда - то (с другой стороны) доносился до слуха его голос.

Он, как бы читая мои мысли, старался пояснить:

— Не удивляйся, я могу быть разным: и громким, и тихим, и веселым. Ну как тебе это объяснить?

Говорю тихо, чуть слышно, объясняя сама себе: «Как голос широкого диапазона...»

Он услышал.

— Да - да, что - то вроде этого... Я, Неля, очень много пережил, много видел...

Тут я вклиниваюсь:

— Я тоже много видела, я старше... А он серьезно:

— Нет, Неля, ты еще ребенок (и покачал головой). Да, да. — И продолжал дальше: — Я рано узнал женщин, еще в детдоме. Там сено...

«В детдоме? Сколько же лет тебе было?» — но это мысленно. Ни о чем не спрашиваю.

Он продолжает: «Я хочу быть с тобой...». И замолчал.

Что - то похоже на предложение. Как это: быть с тобой? Временно? Постоянно?

Жду, что он скажет дальше, а он молчит. Кажется, что он сам не ожидал того, что высказалось, потом спохватился?

— Мне надо еще в редакцию...

Понимаю, что у Коли — творческий подъем. Хорошо пишется. Хотя «пишется» — не то слово. Он держит все в памяти. С этим, наверное, и побежал в редакцию местной газеты «Волна».

На следующий день Коля не напоминал о вчерашнем разговоре, а, взяв корзину, собрался в лес. Опять один, как в день приезда. Мне же дал поручение отнести стихи в редакцию.

— Отнеси сейчас, там уже ждут, я обещал...

Вышли из дома вместе, потом свернули в разные стороны: я — в редакцию, он — в лес. Когда уже разошлись на значительное расстояние, слышу крик: «Неля-я-я!». Оглянулась. Он продолжает кричать: «У меня там написано «в плохой», надо сделать «в простой». Не забудь, исправь. А то не напечатают...». Помахал мне рукой и, не оглядываясь, быстрым шагом пошел к лесу.

Держу в руках два листочка, где аккуратным каллиграфическим почерком написаны стихи. Первое — «Старик». Уж не тот ли старик, что шёл вместе с ним с аэродрома?

Идет старик в простой одежде.

Один идет издалека,

Не греет солнышко как прежде.

Шумит осенняя река.

Так теперь это стихотворение читается.

Вечером я получила вызов на телефонный разговор с Вологдой. Разволнова-

лась. Что-то случилось дома? Спрашиваю у Коли:

— Ты не заходил к нам? Там все было нормально?

Все было хорошо.

Липин Бор. Редакция газеты «Волна».

«Сижу в редакции районной

(при печати поправлено - «гостинице» -Н.С.)

Курю, читаю, печь топлю...».

Прошу его пойти со мной на почту. Он соглашается. Беру трубку, боюсь услышать, что - то страшное (Коля стоит рядом). Слышу встревоженный голос мамы:

— Ты знаешь, зачем Коля в Липин Бор уехал?

— Знаю, — отвечаю, — в командировку.

— А где он сейчас?

— Он здесь, рядом со мной.

Слышу, мама вздохнула, и что-то тихо произнесла вроде: я так и знала.

И опять встревоженным голосом:

— Чем же вы занимаетесь?

— В лес за грибами ходим.

— Ты смотри там, не заблудись, — говорит мама и еще раз повторяет: — Не заблудись! Ты меня поняла?

Да, я поняла, что мама меня предостерегает быть осторожной с Колей. Посмотрела на него. Он слышал весь телефонный разговор. Ничего похожего на обидчика в его облике не было. Наоборот, казался растерянным и в чем-то виноватым.

На обратном пути к дому шли молча. Первым заговорил Коля, когда дошли до самого крыльца.

— Давай еще побудем немножечко...

Мне кажется, что он настроился на разговор. Жду, как он объяснит то, что хочет быть со мной. Решил все-таки жениться?

Вечер был удивительно теплым, не похожим на августовский. Бархатные сумерки освещала полная светлая луна. Казалось бы, все располагало к откровенности. А Коля опять задумался. Дошли до берега реки, повернули обратно к дому.

И вдруг совершенно для меня неожиданно произносит фразу из стихотворения Виктора Коротяева (у него новая книжка «Мальчишки из далеких деревень»):

— Как это можно так написать?

И он опять несколько раз повторяет эту фразу (в таком его произношении действительно что-то было неудобоваримое).

Но я подумала: «В такой вечер нашел, о чем говорить! Всегда стихи на первом плане...».

А сказала: «Уже поздно, я хочу спать».

С этого момента я уже умышленно избегала с ним близости. На фоне безмятежного отдыха, который пыталась создать, без умолку болтала (по его словам, я — еще ребенок) о детских забавах, показала почерневший от времени дом, где прошло детство. Водила в больничный парк (так называли сосновую рощу возле больницы), где мы, дети войны, собирали грибы (боровые рыжики, моховики, маслята, серые грузди) и ягоды (чернику, бруснику, землянику). Показала место, где обильно рос можжевелышник и где постоянно «паслись» ребятишки, временами объедались его терпкими сизыми ягодами.

Коля терпеливо на все смотрел и выслушивал мою болтовню, а у меня промелькнула мысль: «Теперь мне запомнится, что здесь проходил поэт Николай Рубцов».

И тут, словно телепатически поймав мою мысль, Коля поворачивает ко мне голову и, улыбаясь, говорит:

— Я знаю, о чем ты сейчас подумала.

— О чем?

— Здесь... (сделал паузу) проходила Неля Старичкова. - Я догадалась: все правильно, он понял, но взял так вот в шутку все и переиграл.

— А у тебя было любимое дерево в детстве?

— Да, — отвечаю, — черемуха. Она у самой реки. Мы часто забирались на толстый сук, нависший над водой, и сидели, как птицы. Вверху — шатер листвы, а внизу речка — прозрачная, журчащая по камушкам... Да я тебе о ней рассказывала. Пойдем, покажу...

Повела по привычной дорожке к реке; спускаемся по склону реки вниз, ищу глазами любимое дерево: где же черемуха? И не вижу. И только у самой воды торчат пенек. Пенек той самой моей черемухи.

Говорю расстроено: «Ну вот, хотела показать дерево, а оказался пенек». Не только я, но и Коля был опечален увиденным. Задумался, сказал:

- У каждого поэта есть любимое дерево. У Пушкина — дуб, у Лермонтова — сосна, у Ахматовой — верба, у Цветаевой — рябина, а у меня — ель. У пруда. Может быть, ее уж тоже нет?

Ко мне: «Куда мы теперь пойдем? Давай пойдем в столовую».

Он всегда, когда был взволнован, старался менять обстановку: уходил, даже уезжал. Пошли в ту самую столовую, возле которой я его встретила. Помню, что мы там не обедали. Только сели за стол — зазвучала волнующая музыка. Видимо, для увеселения обедающих это было придумано. Коля резко встал: «Пойдем!».

Мне не хочется уходить:

- Давай послушаем. Это же вальс «Дунайские волны». Но он неумолимо идет к двери и на ходу говорит:

- Если бы «Вальс цветов...».

Вышли на крыльцо. Остановились.

- Здесь у меня ведро украли.

- Какое ведро?

- С грибами. Целое ведро было, и одни белые. Решил в столовую зайти, а ведро на крыльце оставил. Вернулся, а ведра нет.

Надо же быть таким доверчивым! Это, наверное, случилось в тот самый день приезда. И, усвоив его манеру менять тему разговора, я быстро говорю: «Пойдем к озеру».

Прошли мимо школы, где я училась, вышли на возвышение, на бровку, поросшую соснами, откуда хорошо просматривалось озеро. Вдали песчаный мыс был облеплен белыми чайками. Мне показалось, что это не птицы, а к берегу прибило полураспустившиеся лилии.

Об этом я сказала Коле. А он: «Нет, это птицы. Их нельзя сравнивать с цветами». Продолжая смотреть в сторону озера, дополнил:

- Ты — птица иного полета. Куда мы с тобой полетим?

Я не слышала подобного раньше, думала, что это экспромт, и посмотрела на него удивленно: «Вот уже и птицей стала! И вместе нам не по пути».

Он словно угадал мои мысли, посмотрел на меня, грустно и негромко подтвердил: «Да, ты тоже птица».

И еще долго после этого я думала, что речь идет о нас двоих, пока не увидела в

публикациях подпись под стихотворением «Ленинград, март 1962 г.»

Значит, я птица, как и та, другая? Сколько же у него было таких птиц?!

Тогда, у озера, каким-то внутренним чутьем поняла, что мы слишком сложны для упрощенных встреч.

Вывел меня из задумчивости Коля с предложением: «Давай вон там посидим». И показал на лужок возле сарайчика. Пошли, сели.

Опять откуда - то взялся мужичок, подобный тому, что прилипал на аэродроме в Вологде. Идет прямо к нам и так нахально улыбается! Уверен, что может присоединиться.

Коля остановил его порыв, крикнув: «Это не то, что ты думаешь». И сделал рукой резкий жест, словно хотел оттолкнуть. Мужичок сразу же исчез. «Интересно, — подумала я, — почти так же, как и в том случае. И фраза почти такая же, со смыслом, знакомым всем пьянчужкам».

Сидели мы долго. Настроение у Коли было хорошее. Он сказал, что хочет писать поэму об Александре Невском.

— И об этом тоже напишу, — он осторожно протянул руку и показал на ползавшую по травинке божью коровку. Жучок взмахнул крылышками и перепорхнул к нему на ладонь. Коля смотрел и улыбался: «Я обязательно о ней напишу».

— «Божья коровка его вдохновляет больше, чем я», — отметила про себя, но ничего не сказала. Помню мамино предостережение. Ох, мама, мама! Если бы ты нас видела! Разве такой человек похож на насильника? Он же прикоснуться ко мне боится! Или бережет? Не знаю. Во всяком случае, ведет себя со мной довольно стеснительно. Даже слишком.

Я не стала делиться своими творческими планами, не пыталась ни завлекать, ни увлекать Колю. Сидела и задумчиво смотрела на озеро. Задумался и он. Молчание затягивалось. Тогда я, чтобы хоть что-нибудь говорить, начала рассказывать, что раньше озеро (до затопления) было далеко отсюда. Где сейчас плещутся волны — от ветра колыхалась трава. Мы, ребяташки, туда за цветами и щавелем ходили. Осенью видели, как на скошенный луг на лошадях привозили снопы льна и расстилали. Помню, по самому берегу озера узкой полосой росли ивняк, ольха, черемуха, кусты черной смородины, а к ним со стороны озера примыкали камыши. Из сухих камышинок мы делали свистульки.

Недалеко, в лесочке (уже школьниками младших классов) рубили колья для пришкольного огорода. Трудное было задание: пять штук на человека. А мы даже топор с трудом поднимали.

Коля слушает, не перебивает.

Не знаю почему, вдруг как-то само собой у меня вырывается:

— Здесь, недалеко от нас, старое кладбище. Там всегда пионерские костры устраивали. Представляешь: в темноте — яркое пламя, летят искры... Смех, шум. А на земле возле костра белеют кости...

— Ой, Неля, страшные вещи ты мне говоришь. Пойдем отсюда. Коля резко встает и, опустив голову, быстрым шагом не идет, а бежит от того места, где мы только что беседовали.

* * *

Не всегда мы целыми днями с Колей Рубцовым были вместе. Он часто уходил прямо с утра и возвращался к середине дня или к вечеру. Я не спрашивала, чем он занимается без меня, верила, что у него командировочные дела. Так он, по крайней мере, объяснил мне свой приезд.

В такой одиночный для меня день зашла в книжный магазин, увидела стихи Гарсия Лорки из библиотечки «Огонька», решила взять (я раньше их не читала). Потом мое внимание привлекла детская книжечка «Сказки» Жуковского с прекрасными цветными иллюстрациями. Купила ее для Жанетты. Стою в стороне, читаю, люблю рисунками. Вдруг слышу сзади: «Что купила?». Оглянулась. Коля стоит, улыбается. Даже не слышала, как подошел.

Говорю: «Детскую книжечку. Посмотри, какая прелесть!».

Он с восхищением: «Да - а. Мне тоже такую надо бы...».

И остановился, не договорил, для кого надо. Но нетрудно было догадаться — для девочки. И она, видно, такого же возраста, как моя племянница. Но уточнять, расспрашивать его об этом не стала: будет время, сам расскажет все, что считает нужным. Пошли вместе в другой магазин, старый, как сарай. Во время моего детства там были книги, а теперь хозтовары.

Понравилась мне чайные приборы. Говорю, что хочу купить маме чашечку.

— Нет, это я, — твердо произносит Коля, — пусть будет от меня подарок.

Эта чашка сохранилась. Длительное время мама ею пользовалась, а потом мы ее убрали в шкаф. Она стала нашей реликвией.

Вышли из магазина. Я показала на сосны, растущие почти рядом.

— Здесь мы со школьной подружкой белые грибы нашли. Я — пять, она семь. И все в одном месте. Так были рады. Сейчас этого уже не увидишь...

— Почему? Давай посмотрим.

Пошли по широко протоптанной дорожке, которая вела прямо к стадиону. Место многолюдное. Какие уж тут грибы! Я даже по сторонам не смотрю. А Коля вдруг приостановил шаг: «Смотри, гриб!». И показывает в мою сторону от дорожки.

Подумала, шутит, играет, и в тон ему говорю: «И рядом еще один!». Наклонилась, пригляделась и действительно, возле сосны увидела крепыша с темно - коричневой выпуклой шляпкой, и немного поодаль еще одного, такого же. Как тут не поверить в чудо!

Осень стояла теплая, солнечная, с небольшими грибными дождями. На душе тоже было спокойно и тепло. Не хотелось уезжать. Но короткое время отпуска не растянешь: скоро в дорогу. Поэтому решила навестить семью А.И. Хохрина, с которой была в родстве по маминой линии.

И только все сели за круглый обеденный стол, как в дверях появился Коля Рубцов. Поздоровался и резко:

— Так вот ты где! А там тебя ждут! Я сказал, что найду...

Как не старался Аркадий Иванович уговорить его пройти, присоединиться к столу, Коля наотрез отказался и даже не перешагнул порог, а уселся на него. И не поднялся до тех пор, пока я не вышла из-за стола, чтобы уйти вместе с ним.

У тети Лили было шумно и весело, к Зине приехали гости из Бирякова — сестра с мужем.

По этому поводу накрыт стол. Помню, были пироги с палтусом, копченая рыба. Коля не столько ел, сколько наблюдал за едой. И вот высказался:

— Неля любит корочки от пирога, а я люблю рыбу.

Но и любимую рыбу он ел понемногу. Стеснялся? Или уже привык так есть, «клевать» как птичка?

На следующий день, когда гостей и хозяев не было дома, уговариваю Колю, дать выстирать его рубашку, ту шелковистую, цвета морской волны, в которой встретила его в марте. Прошло столько времени, а он все в ней.

Он очень смущается, не соглашается. Но убеждаю, что не беда, что нет смены. День жаркий, солнечный, рубашка высохнет быстро. Прошу принести мне из ко- лодца воды. Наконец он решается, приносит воды, снимает пиджак, сдергивает рубашку. И тут же быстро, словно стесняясь нетронутого загаром тела, надевает пиджак: «Я пойду пока...».

Вскоре вернулись и хозяйева, и гости.

— Как у вас дружно, — с порога говорит мне сестра Зины, — смотрю, рубашеч- ка висит. Жили бы вы вместе...

Что я скажу на это? Когда сама не понимаю, что и зачем нас удерживает вместе и в то же время врость.

Вскоре пошел дождь. Мелкий, нудный. Коли нет. Тревожусь: «Где же он в такую погоду?». Он пришел к вечеру, промокший, но радостный. И сразу сообщил: «Я чуть не заблудился!». И стал доставать из карманов пиджака белые грибы. В лес- сок, значит, слетал!

Назавтра с утра день опять выдался солнечным. Начался уже сентябрь, но за- морозков еще нет. Поэтому в палисадниках возле домов радовали глаз цветы. Осень была похожа на лето. Мы шли с Колей вдоль улицы. Он казался счастливым, улыбался и вдруг высказал: «Прав был поэт, что кроме свежeweымытой сорочки ему ничего не надо. И действительно: ничего, ну ничего не надо...». Он даже приоста- новил шаг и восторженно развел руками.

Потом, как бы случайно, бросил взгляд на цветы:

— Это, кажется, георгины?

— Да.

— Они, наверное, последние... — сказал тихо и печально.

Так мы дошли до магазина. Я остановилась (мне надо за покупками), а он со словами: «Мне в редакцию», - побежал дальше.

Вечером к ужину Коля не пришел. Я не думала ни о чем плохом. Раз ушел в ре- дакцию, может у кого - то из друзей остался. Легли спать. А ночью разбудил стук в дверь. Выбежала, открыла. Коля. И не один, с женщиной. Коля нетвердо стоит на ногах, улыбается и поминутно повторяет:

- Я вам говорил... Это она... самая, самая...

Мужчина поддерживает его и начинает извиняться: «Вы уж извините, мы его немножко подпортили...».

Коля убеждает, что был с хорошими людьми: «Это же рыбаки. Я был у них».

Не сержусь, закрываю на замок дверь. Коля спокойно, без шума устраивается спать на диван. Иду спать сама к тете Лиле в соседнюю комнату. Она проснулась, спрашивает: «Что это он так поздно? Кажется, пьяный...».

— Да, — говорю, — немножко...

Быстро засыпаю.

Глубокой ночью тетя Лиля будит меня: «Он что - то говорит, зовет кого - то, схо- ди, посмотри...».

Встаю. Останавливаюсь в проеме двери. В длинной ночной сорочке в темноте я, наверно, была похожа на привидение. И тихо спрашиваю:

— Коля, ты что?

— Принеси воды попить, только не кипяченой.

Прохожу на кухню, зачерпнула ковшом холодной колодезной воды, подаю.

Он с жадностью, крупными глотками пьет эту воду. А когда я взяла в руки пустой ковш и пошла, отнести его на кухню, он ни слова не говоря, ухватил меня за косу (я

на ночь волосы заплетала).

Этот резкий жест мне не понравился, я увернулась, тоже не говоря ни слова. А про себя подумала: «И такой бывает Рубцов: грубый, невоспитанный. Хотя откуда этому быть...».

На другой день Коля казался выпавшимся, свежим, даже не похоже, что накануне был пьян.

Знаю, что обычно пьющие мужчины в таких случаях выглядят страдальцами, ищут, чем бы опохмелиться.

Стараюсь понять, почему у него такое хорошее настроение. Он нетерпелив, ему что - то хочется мне сообщить, он даже говорит: «Пойдем, выйдем».

Вышли, идем по улице. Вдруг он останавливается, поворачивается ко мне и с паузами произносит:

— Послушай... Как? ... Это тебе:

***Замерзают мои георгины
И последние ночи близки,
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...***

— Ну, как?

Мне стало жутко от этих строк. И я сказала: «Как это страшно!». Мне почему-то представилась железная могильная ограда, смерзшиеся комья желтой глины с лепестками опавших цветов. Но об этом я ему не сказала.

Коля был доволен впечатлением, которое произвели на меня его стихи. А я ощущала почти физическую боль в сердце.

Это состояние тревоги, постоянное ожидание чего - то ужасного так и осталось со мной на все время нашей дружбы. Понимала, что в жизни поэта есть что - то неприкосновенное, что он возвращается памятью в навсегда утраченное прошлое, которое оборачивается для него неизбежной катастрофой.

Сосновый, приветливый Липин Бор. Природа еще хранит тепло уходящего лета. А у него и глубокая печаль. И еще — пожелание:

***Не порвать мне мучительной связи.
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...
Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!***

Но об этом я узнаю позже. Полностью стихи будут дописаны в Вологде. «Посвящение другу» — так он их назовет. И каждый, кому был близок Рубцов, кто считал своим другом, будет думать, что адресованы они только ему, но это касается не только этого стихотворения. Ребусов у него в стихах сколько хочешь.

Но я отвлеклась. Оставалось три дня до отъезда в Вологду. Двенадцатого сентября я должна быть в Харовском доме отдыха. Осталось нанести последние визиты знакомым. Если будет хорошая погода, то еще раз сходить за грибами. Правда, еще предстояло поддержать местную традицию — помыться в общественной бане.

Тетя Лиля с материнской заботливостью достает рубашку сына для Коли. Мне до сих пор вспоминается он — свежий после бани, франтоватый, с отворотами

яркой клетчатой рубашки поверх пиджака. Любуюсь им: «Какой он сияющий!». Он думает, что я смотрю на его выпущенный воротник, и виновато говорит: «Раньше так носили...».

Этим же днем в огороде нашего дома, копаном и перекопанном, наверно, сто раз, я увидела металлический предмет. Что это? Беру в руки.

Иконка! Зову Колю: «Смотри, что я нашла!». Он прямо выхватывает иконку из рук (я даже не успела разглядеть, что там изображено) и ложит в карман.

- Это мне.

- Как это сюда попало?

- Паломники, наверно, здесь проходили, — говорит Коля.

- Какие паломники? В огороде? Здесь и дороги не было. И поселок новый. После войны застраивался.

Во всяком случае, факт появления иконки был. Ни он, ни я не подумали о каком-то предзнаменовании нам свыше. Куда потом Коля дел эту иконку, не спрашивала. Он любил раздаривать личные предметы. Наверное, подарил кому-нибудь из близких ему друзей. Но я и сейчас помню серый цвет, ощущаю тяжесть металла, ее размер (примерно 4х4 см), один край неровный (похоже, что створка).

На другой день Коля не спешил в редакцию. Я на-помнила ему, что скоро уезжать, и поэтому должна зайти к моей школьной подруге Лиде Ферাপонтовой (по мужу Кузнецовой). Если хочет, можем пойти вместе. Он согласился. И мы пошли, предварительно купив конфет к чаю.

У Лиды я неосторожно пошутила над Колей, когда к нам из комнаты вышла ее маленькая девочка, и он умиленно воскликнул: «Ой, какой малыш!».

— Ну, — говорю, — Коля, ты уже девочку от мальчика отличить не можешь!

Он так вспылил, будто я ему нравочение читаю. Резко выкрикнул: «Ты еще замечания мне будешь делать!». Но быстро успокоился, тем более что пришел с работы муж Лиды Михаил. Мы с Лидой ушли в другую комнату, а они остались беседовать вдвоем. Когда собрались уходить, Коля мне обрадовано сообщил, что нас приглашают в лес за волнушками. Поедут на машине, рано.

— Поедем!

— Конечно, поедем!

На улице уже было темно и прохладно, когда Лида и Михаил пошли нас провожать. Договорились о завтрашней встрече. А Коля (присматриваясь в темноте) выпалил: «Лида прижалась к мужу, как тополек, а мы так идем...».

Утром рано мы были на ногах. Сначала заехали за нами на машине, потом за другими попутчиками. Там, видимо, удивились, что у Коли одежда не для леса. Пригласили его в дом. Смотрю, оттуда выходит в сапогах, в длинном плаще. Остановился у калитки, посмотрел сам на себя критически. Он был очень смешон в этом наряде, «как мужичок с ноготок» — в больших сапогах... Махнул рукой, сказав: «Нет, я лучше в том!», — побежал переодеваться. Так и поехал в лес в ботинках, в своем единственном на все случаи жизни коричневом костюме.

По дороге к лесу остановились в первой встречной деревеньке. Наши попутчики вылезли из машины, и пошли в крайний дом воды напиться.

Пошел с ними и Коля, а я осталась, сказав ему, что не хочу пить. Не прошло и двух минут, как Коля уже бежит обратно, а в руках у него пол-литровая банка молока. И прямо ко мне: «На, пей. Это же не вода, а молоко. Пей все, я уже пил». Выпила все, он остался довольным. Побежал отнести банку в дом. А я засомневалась:

«Ведь, наверное, не пил он молоко. Если только глоток сделал, а остальное мне выпоил. Получилось, что я его водой поила, а он меня молоком».

Дальше мы нигде не останавливались и очень быстро доехали до леса. Чтобы добраться до грибного места, надо было еще пройти по травянистой тропе. Шли, не разговаривая, наслаждаясь тишиной и пряными лесными запахами. Тишину нарушил Коля:

— Неля, смотри, гриб!

— Где?

Коля бросился в сторону от дорожки и я за ним. Действительно, под тоненькой березкой стоял крепкий, но уже переросший подберезовик.

Со стороны смотреть было очень забавно, как два взрослых человека ведут себя как дети. Я заметила, как переглянулись наши попутчики: что они, мол, грибов никогда не видели?

Не умея ориентироваться в незнакомом лесу, старалась далеко не отходить от Коли. Почему-то была уверена, что с ним не заблудишься.

Волнушек было, как говорят, хоть лопатой гребь. Корзины наполнялись быстро. Можно и в обратную дорогу собираться. А Коля вдруг зовет: «Неля, иди сюда, я рыжики нашел!». Подошла. И правда, они, рыженькие. И так много! А у нас корзины полные. Что делать? Коля сразу нашел выход:

— Давай волнушки выложим. Кто -нибудь их возьмет, а мы рыжики соберем. Они же лучше...

Высыпали розовой горкой волнушки, набрали рыжиков. Коля очень доволен. Но грибная охота покоя не дает. Отошел в сторонку (ну, совсем рядом, даже между деревьев видно его) и кричит: «Здесь белые грузди!». Набрали их уже сверху корзины. Коле пришлось пиджак снимать (некуда грузди класть, а оставлять жалко) и мне с головы платок.

На обратном пути опять остановились в деревне (наверное, в той же самой). Помню у нее особую знаменитость — невдалеке росли кедры, самые настоящие плодоносящие кедры. На память об этом нам шишечки - ему и мне. Они и сейчас у меня дома. Он так и сказал: «Пусть будут у тебя».

Так как грибы набрали быстро, и домой возвращаться было рано (а может это заранее Михаилом было спланировано), местные мужички решили устроить ры-балку и угостить поэта свежей ухой. Ловили не на удочку, а сетью, у самого берега озера, где чаще шурята водятся. Но вместо щук попались одни ерши. Довольны были и этим. Ершовая уха еще вкуснее.

Тут же на берегу развели костерок, поставили в чугуне воду. Хозяйничали возле костра наши благодетели, а мы с Колей были немножко в стороне, как самые почетные гости.

Надо сказать, что поэт Николай Рубцов был уже известен, отсюда и отношение к нему самое почтительное.

Когда закипела в чугуне вода, наши рыбаки стали бросать туда только что выловленную рыбу. Коля отошел далеко в сторону. А я подумала: «Что это мы на всем готовом, надо хоть немного мужчинам помочь». И стала мелкую рыбу (ее не чистят) тоже опускать в воду. Не слышала даже, как приблизился Коля и прошептал: «Подойди сюда», — и отошел в сторону. Он был рассержен:

— Что же ты делаешь? Как ты можешь? Они ведь живые!

Коля не подошел к костру, пока его не позвали. Когда уха была готова, появи-

лись миски, деревянные ложки и водка.

Угощались недолго, домой вернулись, когда было еще светло. Тетя Лиля похвалила нас, что набрали столько грибов:

— Вот завтра все домой и увезете, там засолите.

Завтра! Я даже внутренне вздрогнула от этого слова. Завтра мы уже будем далеко от всего, что нас стало сблизать. Останутся ли прежними наши отношения? Как хотелось бы никогда не расставаться.

А Коля вдруг, будто бы наперекор моим мыслям, громко произносит, обращаясь к тете Лиле:

— Можно мне у вас остаться?

Тетя Лиля удивленно смотрит на него:

— С ней? Оставляйтесь, живите...

— Нет, — твердо с решимостью произносит Коля, — нет, я хочу один.

— Один, нет, — серьезно отвечает ему тетя Лиля, — а с ней, пожалуйста, живите...

Коля опечален. А я думаю: «Так вот почему он к тете Лиле подлизывался! Ему здесь хорошо дышится, пишется легко. Его устраивает добрая, заботливая по-матерински хозяйка. Может, такие хозяйки у него и раньше были?»

Или именно это свое желание он высказал в стихотворении: «По холодной осенней реке», где есть такие строки:

***Я уйду по знакомой тропе,
Над родной ледоносной рекой
И в заснеженной русской избе
Зазимую с веселой вдовой.
Зазимую без всяких забот,
Как зимует у пристани флот.***

Последний вечер в Липином Бору, последняя ночь под общей крышей. Впереди ожидали дни и годы дружбы и тяжелые жизненные испытания.

После полубессонной ночи (которые у меня часто бывают, когда сильно волнуюсь), осталось ощущение глубокой тревоги. Коля наоборот: утром был особенно весел.

Тетя Лиля нашла нам большой мешок, в каких обычно затаривают картошку. Мы осторожно, чтобы не поломать, уложили в него рыжики и грузди. Позавтракали. Я взяла в руки свой маленький чемоданчик, Коля взвалил мешок на плечи и мы пошажали в аэропорт.

Пришли рано. Взяли билеты. Осталось ждать самолет.

Тревожные мысли не оставляли меня. Мне уже не хотелось никакого отдыха. Было такое чувство, что расстаюсь с Липиным Бором и с Колей навсегда. К глазам подступали слезы. Коля был по-прежнему оживлен. Иногда поглядывал на меня. Чему-то своему улыбался. Держался в стороне. Даже ушел в заросли растущих рядом деревьев.

Почему он такой? Минут через десять (а мне показалось через вечность) он вышел из лесочка с гроздьями яркой, крупной рябины и прямо ко мне.

Откуда он знает, что я люблю рябину? На сердце немножко полегчало. «Значит, какое-то чувство ко мне еще теплится. Но что будет в Вологде, точнее, через целые две недели, когда я вернусь из Дома отдыха?!».

Самолет «Аннушка», как мы его часто называли, прибыл. Мы, пассажиры, потянулись цепочкой на летное поле. Коля помог мне взобраться в самолет, помог затащить мешок с грибами. Потом стал поддерживать следом за мной влезавших в самолет молодых женщин. Сам поднялся последним...

Вот такие воспоминания...

Лидия Кузнецова

В далеком 1967 году мне довелось встретиться с Колей Рубцовым благодаря моей подруге детства Нэле Старичковой.

С Нэлей мы дружили со школьной скамьи, с первого класса, она была старше меня на год. Мы сидели за одной партой, жили в одном доме, квартиры были напротив, наши мамы были в хороших отношениях. Нэля была отличницей, а я плохо понимала в математике. До 4 класса мы всегда вместе ходили в школу, за грибами, любили собирать землянику. Даже за черникой в Шульгино нас брали взрослые. Главным нашим занятием летом было насобирать для плиты сучков. Мы брали большие веревки, шли в парк, собирали сучки, навяжем и через плечо тащим домой. Потом они переехали в Вологду. С Нэлей мы продолжали общаться, когда уже стали взрослыми. Я, когда ездила в Вологду, ночевала у них, но не часто. Муж мой больше встречался с семьей Старичковых, чем я. У Нэли еще был старший брат Эдик, он женился на

Людмиле Косаревой, она тоже с Липина Бора. Запомнилась встреча, когда мы даже сначала не узнали друг друга. Я работала зав. общим отделом райисполкома, была на курсах в Вологде. Проходил Пленум Обкома партии, нас пригласили. Нэля тоже была там, тогда она уже работала в газете многотиражке, кажется, в поселке Молочное.

Следующая наша встреча произошла уже в Липином Бору. Она приехала с другом Николаем Рубцовым и спросила разрешения прийти ко мне. О том, что они дружили, я уже знала. Они остановились у Лили Косаревой. Я пригласила их вечером в гости. Она пришла с Колей. Сидели долго, разговаривали, вспоминали, потом мы с Нэлей уединились в комнату, а Миша с Колей остались общаться. Я тогда спросила у нее: «Жених что ли?». Она ответила: «Не знаю. Я его люблю очень, а он сделает мне предложение и пропадет не на один день, а может и не на одну неделю. Потом придет денег три рубля занять. Мама его накормит, встретит, пообщаемся и все. Сейчас договорились вместе отпуск провести». Нэля попросила свозить их за грибами. Миша с удовольствием согласился, у нас была своя машина. На следующий день мы собрались за грибами. Вот было смеху. Сапоги искали Коле очень долго. Миша носил сапоги с длинными голенищами 45 размера. Коля подойдет сапог покрутит и так и сяк, поднимет и говорит: «Я весь в этот сапог влезу». Потом, наконец, подобрали ему маленькие мамины сапоги. Дали им большущую корзину с двумя ручками и поехали. Грибов было

много, насобирали быстро. Миша потом долго смеялся: «Лидя, знаешь, как они грибы собирают? Они не выбирают, какой стоит, тот и берут, не смотрят плохой или хороший. Целую корзину набрали, половину пришлось выбросить». Приехали домой, нажарили грибов и долго сидели, разговаривали. Коле очень понравилась наша дочка – Ирина, он все качал ее на коленях. Мне запомнился его пиджачок с колокольчиками, он его все поддегивал, как бы прятал. Моему мужу он много рассказывал в тот вечер про Николу, про Никольскую школу, читал свои стихи, Миша ему аплодировал. Мише Коля очень понравился, он да-же сказал: «Хороший у Нэли мужик». Потом мы пошли их провожать, долго стояли у дома Першаковых. Тогда Коля сказал, что обязательно напишет стихи про гриб-ной лес. На следующий день Нэля пришла ко мне прощаться. Я спросила: «Ну как?». Она говорит: «Вы идете с Михаилом, а Коля и говорит: «Какая у них дочурка хорошая, а у нас-то когда будет?»».

Я ответила: «Это все от тебя зависит».

Так они и не поженились, она его очень любила, а я все говорила, чтобы она не надеялась. Больше мы с Нэлей не виделись, общались иногда по телефону, я ее все приглашала в Липин Бор, она все собиралась, но так и не приехала. Я встретила как-то ее брата Эдика, он многое рассказал о ее дальнейшей судьбе.

А Николая Рубцова я видела еще один раз у дома Нины Алябышевой, он приходил туда, там тогда на квартире жили работники редакции. Спросила про Нелю, как у них дела, а он пожмет плечами: «Люблю, люблю!».

За творчеством Николая Рубцова я следила, были у меня его сборники, потом дети увезли. Знала много его стихов. Внук мой Вова участвовал в конкурсе чтецов, посвященном юбилею Рубцова. Читал стихотворение «Про зайца». Даже стал победителем, ездил в Вологду на конкурс. Вот такие воспоминания... А Нэлю и Колу я хорошо помню!».

Лидия Кузнецова, май 2009 года

Дом Кузнецовых, в котором бывал Н.М. Рубцов (ул. Октябрьская, д.16).

Расплатимся любовью...

Василий Елесин

...В Липином Бору, что раскинулось на северном берегу Белого озера, Рубцов был, по меньшей мере, трижды.

Памятна первая встреча с ним в этом далеком поселке. Пришлась она на грибную августовскую пору. В один из воскресных дней мы с женой, набродившись по роскошным липиноборским лесам, возвращались домой с полными корзинами грибов. Когда до поселка оставалось километра два, вдалеке, меж вековых сосен, показалась фигура человека.

- До чего же похож на Рубцова! – удивился я.

- Не может быть, - возразила жена. - Откуда Коле взяться здесь, за триста километров от Вологды, в незнакомом лесу?

И тем не менее, это был он. Объяснилось все просто:

- Зашел к тебе на квартиру, мать сказала, что ты в лесу. Попросил ведро и пошел куда глаза глядят. Здесь у вас просто прелесть!

Рубцов радовался, как ребенок. И грибы позднее тоже оказались в стихах. Помните его «Гуляевскую горку»?

Вечером того дня, когда мы шли по улице поселка, на встречу попался хорошо знакомый мне милиционер и пригласил к себе домой на чашку чая.

- Не могу, к сожалению, - отказался я. - Видишь, у меня гость.

Рубцов отозвал меня в сторону и тихо сказал:

- Давай пойдем! Ты же знаешь, что мне про всех все надо знать, а тут такой случай – увидеть, как живет милиционер!

И мы пошли в гости...

* * *

«Зимой, в конце 1967 года, Николай Михайлович приехал в Липин Бор, где в редакции районной газеты работал поэт Сергей Чухин. Я в это время редактировал газету, и Рубцов попросил:

- Дай задание машинистке отпечатать мои стихи. Дело в том, что я потерял рукопись новой книжки, а ее срочно надо посылать в издательство.

- Но если рукопись утеряна, - возразил я, - как же машинистка будет печатать?

- Я ей продиктую.

- А сколько стихотворений было в рукописи?

- Около ста двадцати.

- И ты все помнишь наизусть? - изумился я.

-Конечно, - удивился в свою очередь Рубцов. - Ведь это мои стихи!

И действительно, он продиктовал нашей машинистке Тамаре Пахомовой свою рукопись.

Дело здесь, очевидно, не только в феноменальной памяти. Рубцов каждое стихотворение отделявал любовно, шлифовал настолько, что оно оставалось в памяти на всю жизнь. Случайную, ремесленную поделку запомнить невозможно.

Николай Михайлович был постоянен в своих привязанностях и привычках. Вот строки из письма, написанного в конце октября 1965 года: «...О себе писать нечего. Могу только сказать, что очень полюбил топить печку по вечерам в темной комнате. Ну а слушать завывание деревенского ветра осенью и зимой – то же, что слушать классическую музыку, например, Чайковского, к которому я ни разу не мог остаться равнодушным».

Через два года, когда Рубцов навестил Липин Бор, он ночевал в редакции, где тоже топил печку, слушал заунывный вой ветра в сосновом бору. Вскоре он прочел нам стихи: «В который раз меня приветил уютный, древний Липин Бор...».

Это было стихотворение «Сосен шум», которое дало позднее одному из сборников поэта. «Соседний барак» - не что иное как пекарня, которая работала всю жизнь, до утра горел в ее окнах свет...

- Почему же ты написал: «Сижу в гостинице районной», если сидел в редакции? - пошутил я.

- Так типичнее, - смеясь, ответил Рубцов. - А то могут подумать, что у вас не редакция, а ночлежка».

Василий Елесин
(из книги «Воспоминания о Рубцове» -
Архангельск, Вологда, 1983 год)

В этот приезд Н.Рубцовым был написан очерк «На ответственном посту»:

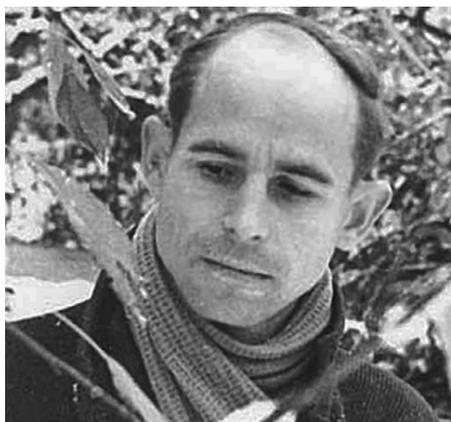
Село Липин Бор – центр отдаленного Вашкинского района. Расположено оно на самом берегу Белого озера под старыми тихими соснами. И люди здесь живут вроде бы тихо и спокойно, как это может показаться с первого взгляда. Где есть люди, там нет покоя, там никогда не затихает напряженная трудовая и духовная жизнь.

О том, насколько хлопотливы будни в этом районе, и о том, сколько неотложных местных проблем приходится решать каждый день, хорошо знает Валентина Чалова – первый секретарь Вашкинского райкома комсомола. Этой невысокой, приветливой и скромной девушке двадцать четыре года. Но видно, что работает она со знанием дела, с пониманием местных условий и необходимых действий.

Шесть лет назад она закончила сельскохозяйственный техникум в городе Устюжне. С тех пор почти безвыездно жила и работала в колхозах Вашкинского района, занимая должность зоотехника. Она не покинула Вашки, когда кончился положенный срок работы. Не покинула потому, что привыкла к новым людям, но главное потому, что не могла оставить начатое дело.

Эти шесть лет и есть как раз тот примечательный период ее жизни, когда она показала себя среди окружающих как хороший специалист и проявила лучшие черты своего характера.

Все началось вполне типично, обыкновенно. В первые дни были и сомнения, некоторая растерянность и даже (по ее словам) упадочное настроение. Тем бо-

лее что председатель колхоза, куда она сначала была направлена, Петухов Иван Дмитриевич, относился к ней, совсем еще юной специалистке, явно недоброжелательно. Там, где нужен был совет или поддержка, он часто ругался или не разговаривал. Главное его недовольство заключалось в том, что Валентина «все равно ничего не может».

Крепко тогда просчитался Иван Дмитриевич! Прошло немного времени, и Валентина стала одним из лучших специалистов. О ее успехах, о ее трудовом опыте говорили по радио, писали в местной газете. Но не только творческая инициатива, самостоятельность, настойчивость в работе отличали ее в это время. Внимательное отношение к окружающим, любовь к хорошим людям, а также искренняя неприязнь к отрицательным явлениям – вот еще что привлекло к ней и вызывало глубокое уважение. Уже тогда она была избрана секретарем комсомольской организации колхоза.

В жизни каждого из нас встречаются люди, которые оказывают на нас особо памятное, яркое влияние. В результате этого влияния как бы устанавливается наш духовный мир, наше отношение к жизни, наша вера в себя, а также в людей.

Таким человеком в жизни Валентины Чаловой был Медведев Полиэн Васильевич – председатель колхоза «Ленинский путь», где им вместе пришлось немало поработать. Валентина с благодарностью вспоминает о том, как он учил ее лучше понимать жизнь вообще, как он помогал ей в работе, сам советовался с ней, радовался ее успехам.

Конечно, и в лучшем хозяйстве бывают нерадостные дни. Однажды, например, недостаточно заготовили кормов для скота. При этом еще неправильно их распределили. В результате колхозный скот на два месяца остался совершенно без корма. Пришлось ввести в рацион древесные хлопья и буквально по пудам закупать сено у колхозников.

- Это было очень тяжело, - говорит Валентина, - но скот мы все-таки сохранили.

Колхозники и правление колхоза «Ленинский путь» сердечно проводили своего зоотехника на новую работу, поблагодарили ее и наградили ценным подарком...

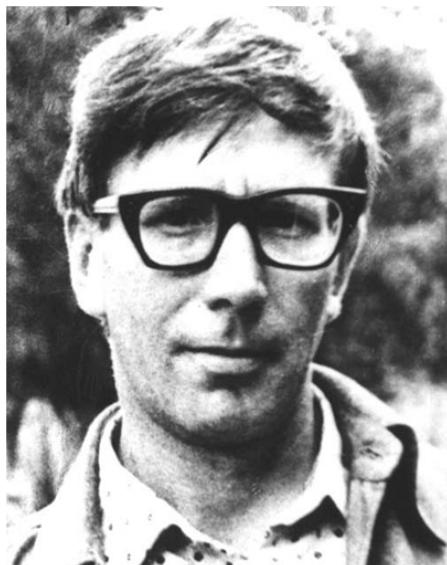
Работа есть работа. Но, оказывается, у секретаря райкома есть особенная давняя мечта, которую она намерена обязательно осуществить. Еще в детстве она мечтала и до сих пор мечтает стать учительницей.

Что ж, не так уж это важно, по какой специальности работать, какую должность занимать. Главное – быть хорошим человеком, высоконравственным, знающим свое дело.

А такие люди везде нужны и необходимы.

Н. Рубцов

До последнего дня

Сергей Чухин

... Летом того же 1967 года по инициативе Вологодского обкома партии и писательской организации была устроена агитационная поездка писателей по Волго-Балту. В ней приняли участие А. Яшин, В. Белов, А. Романов, В. Коротаев, Д. Голубков, Н. Рубцов, Н. Кутов, Л. Беляев, Б. Чулков и ряд других прозаиков и поэтов. Александр Яковлевич Яшин уже недомогал, хотя и старался не показывать виду. Однако не просто было обмануть такого проницательного человека, как Рубцов. В этой поездке он был ненавязчиво предупредителен, даже нежен в обращении с Яшиным, что в общем-то с Рубцовым случалось редко.

И вот уже под Вытегорой, видя, что Яшин чрезмерно утомлен поездкой, и, видимо, втайне переживая за него, он отозвал меня и сделал форменный выговор, будто я никчемными разговора-

ми отнимаю у Яшина время. Я был изумлен, так как разговоры мои ограничивались общей беседой за обеденным столом, но Рубцову и это казалось слишком.

Спорить я не стал, хотя обиделся: зачем на мне срывать свою досаду? Я даже постеснялся попросить Яшина надписать книгу на память, что, к счастью, он сделал сам.

Потом уже, в Вологде, Николай Михайлович объяснил мне причины своей вспышки:

— Не видно разве, что человеку тяжело? — и мы помирились.

Александр Яковлевич после поездки слег в больницу в Вологде. А через год мы хоронили А.Я. Яшина на его родине, на Бобришном угоре.

Во время поездки по Волго-Балту мне пригласилось село Липин Бор: песок, сосны, озеро... Захотелось здесь пожить и поработать подольше. Решено — сделано: осенью я уже устроился там корреспондентом-организатором местного радиовещания. Поселился прямо в редакции. Вечером доставал из тумбочки постель и, предварительно предупредив телефонисток, чтоб поутру разбудили долгим звонком, укладывался спать.

Красота тех мест очаровала меня, и я засыпал вологодских друзей письмами с просьбой прилететь, посмотреть, погостить. Написал такое письмо и Николаю Рубцову.

Однажды, уже зимой, мне по долгу службы пришлось сидеть на каком-то районном совещании. И тут по рядам передали записку: «Сереза! Я прилетел. Можешь выйти? Н. Рубцов».

Он сидел на деревянных ступенях Дома культуры в демисезонном, не по по-

годе, пальто. Мы обнялись.

— Извини, я без предупреждения. Приехал в аэропорт, билеты есть...

— Какой разговор!

С помощью редактора газеты В.Д. Елесина, давно знакомого с Рубцовым, удалось устроить Николая Михайловича в гостиницу. Ночевал он там только первую ночь — холодно, да и шумно, а на следующую пришлось к дивану приставлять редакционные стулья.

Вечерами в редакции В.Д. Елесин и секретарь В. Фофанов подолгу задерживались, подписывая номер в печать. Подкидывали в печь поленья, играли в шахматы. Игроком Рубцов был серьезным, но азартным в проигрыше и выигрыше.

В Липин Бор Николай Михайлович привез рукопись будущей книги «Душа хранит». Когда подготовка ее была закончена и рукопись перепечатана, Рубцов стал соби-раться в Вологду. Мы проводили его на аэродром.

В 1968 году Северо-Западное книжное издательство наметило выпустить книгу-кассету молодых поэтов Севера. Причем каждый автор волен был выбрать себе общественного редактора. Нина Груздева обратилась с этой просьбой к Ольге Фокиной, я — к Николаю Рубцову».

Сергей Чухин
(из книги «Воспоминания о Рубцове» -
Архангельск, Вологда, 1983 год)

Мой Рубцов

Валентин Коновалов

Со стихами Николая Михайловича Рубцова я впервые познакомился, когда в 1967 году вышла книга его стихов «Звезда полей». Познакомил меня с ней Василий Дмитриевич Елесин, который в то время работал редактором газеты «Волна», а я главным зоотехником района. Один экземпляр он мне подарил.

Василий Дмитриевич ровесник Рубцова. Ранее работал в Тотемской районной газете, дружил с ним, знал многое о его нелегкой судьбе, называл «вечным странником». Елесин, сам писатель, следил за творчеством поэта, до конца дружил с ним.

Неслучайно Николай Михайлович несколько раз приезжал в Липин Бор, который полюбил за природу, самобытность, тишину.

Два известных стихотворения - «Сосен шум» и «Гуляевская горка» написаны в Липином Бору. Елесин, показывая стихи Рубцова, говорил: «Смотрите. Как это прекрасно»:

***Вода подвижнее стекла
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло...
О, Русь - великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век не слышно протечет,
Не тронув этой красоты.***

Такая аттестация поэта не прошла даром. Я пристально стал следить за его творчеством, его судьбой.

И когда в августе 1967 года, группа вологодских писателей совершала поездку по Волго- Балту, с заездом в Липин Бор, мы с большим нетерпением ждали этой встречи. Среди прибывших на вечер были заслуженные люди и только входившие: А. Яшин, В. Белов, А. Романов, В.Коротаев, Н.Рубцов и другие. Старый деревянный клуб села Липин Бор был до отказа заполнен людьми, в возрасте и молодыми. Присутствовало все руководство района. Прибывшие выступали по очереди. Первый слово взял А. Яшин. Мне посчастливилось видеть и слышать его раньше, знал многие его стихи наизусть. У меня есть его книжка с автографом. Его стихи очень известны, творчество неразрывно с родной землей. Человек трудной судьбы, живя в Москве, много сделал для поддержки начина-

Вологодские поэты и писатели во время путешествия по Волгобалту 1967 год.

ющих писателей Вологодчины, в том числе и Н.М. Рубцова. Его стихотворение «Последний пароход», посвященное А. Яшину, очень известно. Выступая, Яшин читал стихи, рассказывал о себе. Мне особенно запомнилось, как он рассказывал о том, как в бездорожье добирался со станции Шарья на родину в деревню Блудново на велосипеде.

Все мое внимание привлек Николай Рубцов. В черном костюме, белой рубашке, с залысинами на голове, с серьезным взглядом – таким он мне запомнился. Читая стихи, всех расположил к себе, слушали его очень внимательно, долго хлопали.

Стихи, которые он прочитал, показались вначале повседневными, простыми. Уже позднее, когда я пытался писать сам, понял, что о простом писать очень трудно. В том и ценность, что он близок к земле, природе, простым людям, создает настроение, заставляет думать. Из всех стихов, прочитанных со сцены, я запомнил: «Я забыл, как лошадь запрягают», «Сапоги мои скрип да скрип...», «Над вечным покоем», «Элегия». У каждого свой поэт. Я много читал о нем, о его творчестве, его судьбе, но всегда вижу молодого парня на сцене Липиноборского клуба, его улыбку, когда он читает свое:

***Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...***

Валентин Коновалов

***Рубцов! Создатель славных книг,
Ты стал совсем родным народу!***

Людмила Фофанова

За 40 лет работы журналистом в редакции районной газеты «Волна» мне посчастливилось встречаться со многими интересными людьми. Я работала вместе тогда с будущим поэтом Сергеем Чухиным. Одно время он вел передачи местного радио, мне очень нравилась его дикция, его голос. Не случайно, когда он уехал в Вологду, я решила перейти на радио. Сергей писал на всех на нас дружеские шаржи, постоянно рассказывал интересные случаи из своей жизни. Мы очень радовались за него, когда Сережа поступил в Литературный институт, когда стал издаваться. У меня бережно хранятся сборники его стихов «Горница», «Дни покоя», «Дым разлуки», «Придорожные камни».

Сергей очень любил жизнь, все его стихи пронизаны этой любовью, любовью к природе, людям, ко всему живому. Очень жаль, что его жизнь оборвалась так рано.

***«Летит в глаза холодный дым разлуки,
Но, утирая слезы,
Я молчу.***

***И так к огню протягиваю руки,
Как-будто друга удержать хочу...»***

Очень теплое чувство в душе сохранилось о вологодском писателе Анатолии Петухове. Заядлый охотник, он прошел многими охотничьими тропами, все тонко подмечал в природе, глубоко чувствовал ее. Бывал он на охоте и у нас в районе, в шалгокемских лесах. Все свои мысли, чувства он передал в сборнике рассказов «В синем залесье». На одном из сборников он оставил такой автограф моему мужу: «Виктору Фофанову на добрую память, с пожеланиями счастья и успехов – всяких», «На трудовом пути из Шалги в Вологду. Сентябрь 1973 года».

Не один раз я встречалась с поэтом, стихи которого мне очень нравятся, Юрием Ледневым. Однажды он принял участие в передаче районного радио, где прочитал свои стихи, а мне на память подарил свой сборник «Яблоко мира» с надписью: «Людмиле Фофановой, самому милому радиоредактору на вологодской земле».

Заходил к нам на чай поэт Сергей Багров, рассказывал о своей жизни и проблемах. Уходя, оставил сборник «Колесом дорога» с автографом «Виктору и

Людмиле Фофановым с любовью».

Довелось мне встречаться и с поэтом Николаем Рубцовым. Приехав в Липин Бор, Николай Михайлович первым делом посетил редакцию. Здесь всегда при-вечали таких людей. Именно здесь предоставили ему место для ночлега. В од-ном из кабинетов стоял старенький диван, но спал ли в ту ночь на нем Николай Михайлович, трудно сказать, потому что именно ночами к нему приходило вдох-новение, легко писалось, как он рассказывал нам. В своем стихотворении он так и напишет: «... Я так ночам не спать люблю...».

Именно в нашей редакции он начитал на память свою книжку стихов. Мы все были поражены его феноменальной памятью. Стихи поэта печатала Тамара Па-хомова, впоследствии Павлова, которая была очень грамотной машинисткой, а отправлял их в издательство мой муж Виктор Фофанов. Он как-то очень быстро сошелся с Рубцовым, стал с ним на «ты». Мне казалось, что они в чем-то были родственные души. Николай Михайлович бывал у нас дома. Он запомнился мне в черном пальто, с длинным шарфом вокруг шеи, с непокрытой головой и поче-му-то очень ранимым, незащищенным. О себе рассказывать не любил, может быть потому, что мало было в жизни светлого, доброго, ведь рос он сиротой. Но душа его не зачерствела, вот что главное. Он любил свои родные места, Родину, людей, живущих рядом.

«Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи...»

Мать моя здесь похоронена в детские годы мои»

Все стихи поэта – это раздумья, основные темы – Россия, родная природа, любовь. Очень жаль, что у нас в стране почему-то признание талантливых лю-дей приходит поздно, только после их смерти. Очень точно в газете «Красный Север» Леонид Патралов в триптихе памяти Николаю Рубцову сказал о поэтах Вологодчины: «Судьбы ударов не снесли...».

В нашей семье хранится сборник Николая Рубцова «Душа хранит» с дарствен-ной надписью поэта и он мне очень дорог.

Все истинные поэты и писатели очень чувствительны, очень любят природу. Вот и Рубцов был заморожен красотой наших мест. Он любил слушать сосен шум, собирать в бору грибы, мечтать о чем-то, о своем.

Николай Михайлович в то время был стеснен в средствах и поэтому оставлял в редакции свои стихи, получая за них небольшой гонорар. Редактор Василий Дмитриевич Елесин по первому слову автора публиковал их в нашей районке. Сохранилась пишущая машинка «Украина», на которой печатались стихи, печ-ка, которую топил ночью Рубцов, к сожалению, нет уже того дивана, на котором сживал поэт, нет самого поэта... Как быстротечна наша жизнь и только мысли, если их передавать из поколения в поколение, будут жить в памяти народа.

**Людмила Фофанова,
член Союза журналистов России,
заслуженный работник культуры РФ**

Поэт Николай Рубцов и село Липин Бор

***В старинном нашем поселенье
Не раз гостил поэт Рубцов,
И здесь являлось просветленье
Вечерних дум в ночи без снов.
Любил гулять в бору сосновом,
Которым славен Липин Бор.
А бор шумел, насупив брови,
И с ветром вел дальнейший спор...***

Эти строки о великом поэте написала Людмила Михайлова Старикова, жительница села Липин Бор, член местного поэтического клуба «Общение». Скорее всего, эти места на самом деле произвели особое впечатление на поэта: селу поэт посвятил три своих стихотворения!

Осенью природа здесь особенно хороша: расцветают яркими красками многочисленные клены и березы, высаженные повсеместно вдоль дорог, особенно прозрачен и чист воздух, бездонным кажется ослепительно-голубое небо... Моя поездка в Липин Бор совпала как раз с такими ясными осенними днями, и это позволило в полной мере насладиться красотой этих мест. Чудесная природа села и окрестностей действительно способствует отдохновению души, а для людей творческих наверняка еще и эмоциональному подъему, воодушевлению.

Целью моего путешествия в Вашкинский район, которое состоялось 14-16 октября 2018 года, был сбор сведений о пребывании здесь нашего знаменитого земляка, хотелось побеседовать с людьми, которые встречались с Рубцовым, узнать, как в наши дни сохраняется в Липином Бору память о поэте.

Согласно опубликованных воспоминаний, Николай Михайлович бывал в этом селе несколько раз в 1967 году, но по мнению Людмилы Александровны Фофановой, которая долгое время работала журналистом в местной газете «Волна», он приезжал в Липин Бор и раньше, в 1966 году. Людмила Александровна рассказала, что Рубцов был дружен в это время с ее будущим мужем, ответственным секретарем редакции той же газеты. По ее воспоминаниям, Николай Рубцов гостил в их доме, запомнился ей в черном пальто с шарфом, с непокрытой головой, и показался человеком ранимым, незащищенным. Когда Виктор Михайлович попросил Рубцова почитать свои стихи, тот долго отнекивался, но потом все-таки согласился и на память прочел множество своих стихотворений. Были среди них стихи о Родине, о природе, о матери. «Когда я слушала стихи в исполнении поэта, - вспоминает Людмила Александровна, - то чувствовала какуюто щемящую грусть. Казалось, что этот человек недополучил любви, чего-то важного в жизни». Отведав соленых грибов с вареной картошкой, Рубцов рассказал хозяевам, что и сам любит собирать грибы, очень любит лес: «В лесу все плохие мысли покидают мою голову, приходит умиротворение, откуда-то сверху звучат слова, которые складываются в рифму. Лес моя отрада...».

В личной библиотеке Людмилы Фофановой хранятся все прижизненные сборники стихов Н. Рубцова, а на обложке книги «Звезда полей» - автограф поэта: «Виктору Фофанову на добрую память о встрече 28 августа 1967 г. Н. Рубцов». Зимой 1967-го года в редакции работал известный вологодский поэт Сергей Чухин, редактором был Виктор Елесин, в это время снова приехал в Липин Бор и

Николай Рубцов. Он попросил отпечатать на машинке свои стихи, которые знал наизусть. Николай Михайлович на память надиктовал машинистке Тамаре Пахомовой (Павловой) около 120 своих стихотворений, которые и составили новый сборник «Душа хранит». По воспоминаниям Людмилы Фофановой, все в редакции были поражены его феноменальной памятью. В.М. Фофанов отнес напечатанные стихи на почту и отправил в издательство.

То, что Рубцов бывал в Липином Бору ранее 1967 года, подтверждается и тем, что в феврале 1966 года Рубцов опубликовал в белозерской районной газете «Белозерье» стихотворение об этом селе.

Над Липиным Бором — мерцанье.

Над Липиным Бором — светло.

Как всяких забот отрицанье,

Седое почило село...

Я еду, я еду по свету,

Я знаю, что будет потом:

Россия! Куда ни приеду,

Ты всюду отчизна и дом!

Под соснами Липина Бора,

Над озером Белым во мгле

Мне нравится вид с косогора

И воздух на этой земле.

И только, когда вспоминаю

Тот край, где родился и рос,

Желаю я этому краю,

Чтоб было побольше берез...

Видимо, последние два четверостишия поэт считал не совсем удачными, поэтому в последующих сборниках мы встречаем уже усеченный вариант этого стихотворения.

В библиотеке села хранятся рукописные воспоминания о Николае Рубцове Коновалова Валентина Алексеевича, бывшего главного зоотехника Вашкинского района. Он присутствовал на творческом вечере с группой писателей и поэтов, путешествовавших по Волго-Балту, и выступавших в местном Доме Культуры в августе 1967 года. «Старый деревянный клуб, – вспоминал Валентин Алексеевич, – был до отказа забит людьми всех возрастов, присутствовало руководство района. Рубцов запомнился мне в черном костюме, белой рубашке, с серьезным взглядом и залысынами на голове. Читая стихи, он всех расположил к себе, слушали его очень внимательно, долго хлопали».

На этой встрече присутствовал и Аркадий Иванович Хохрин, секретарь райкома партии, его воспоминания опубликованы в местной газете «Волна». Его дальней родственницей была Нинель Старичкова, у которой в Липином Бору гостил Рубцов. Они все компанией ходили в лес за грибами, бывал Рубцов и в квартире Хохриных. А когда Николай Михайлович посещал Липин Бор в составе делегации писателей, Аркадий Иванович сопровождал их в поездках по району, вместе с ними выезжал на природу, организовывал встречи с колхозниками, рыбаками, рабочими. В доме Хохриных сейчас тоже хранится рубцовский сборник с автографом, правда живут наследники в Вологде, а в село приезжают только летом.

В один из дней командировки мне удалось побывать в доме Валентины Чало-

вой, о которой Николай Рубцов в свое время написал статью «На ответственном посту». В 1967 году он работал еще и корреспондентом в газете «Красный Север». В Липином Бору ему предложили написать очерк о первом секретаре Вашкинского райкома комсомола Валентине Чаловой. Они уже договорились о беседе, но Валентине пришлось срочно выехать в район, и встреча не состоялась. Правда, статья все-таки была напечатана на основе информации, рассказанной сослуживцами девушки...

Из интересных встреч хотелось бы еще отметить разговор с Алиной Николаевной Шестаковой. Алина Николаевна – педагог по образованию, в 1962 году она проходила практику в Никольской школе Тотемского района. Я поразились прекрасной памяти и увлекательному грамотному языку пожилой женщины. Она долго вспоминала, как долго ей с напарницей пришлось зимой по бездорожью добираться до Николы, а весной в мае пустилась она в обратный путь. Добравшись до села Красного, паром на берегу не обнаружила, зато там был молодой мужчина, который вызвался перевезти ее на лодке на другой берег. Это и был поэт Николай Рубцов. Обладая цепкой памятью на лица, Алина Николаевна впоследствии узнала его на обложках стихотворных сборников.

Удалось мне пообщаться с Лилией Леонидовной Сизовой – она тоже встречалась с Рубцовым, правда произошла эта встреча в Вологде, в общежитии у Виктора Коротяева, куда молодая девушка, тогда просто студентка, пришла с подругой по приглашению в гости. Рубцов, по признанию Лилии Леонидовны, активно оказывал ей знаки внимания, но как мужчина впечатления на нее не произвел. Мне кажется, что Лилия Леонидовна – в молодости ослепительная красавица с пышными рыжими волосами – пример как раз того женского типажа, который так нравился поэту. В семье Сизовых бережно хранится автограф нашего земляка на обложке книги «Звезда полей»: «Леониду Александровичу Таманину, одному из руководителей прекрасного коллектива на память о встрече с полным уважением. 28 августа 1967 г. Н. Рубцов» Книга подписана отцу Лилии Леонидовны, который с Рубцовым находился в очень хороших отношениях.

Еще одним автографом Николая Михайловича и тоже с этой датой обладает семья Коловых. Того человека, которому подписана была книга, уже нет в живых, она хранится в семье сына Николая Федоровича Колова.

Воспоминания о пребывании Николая Михайловича Рубцова в селе Липин Бор встречаются в дневниках Александра Яшина, есть они у Василия Елесина, у Сергея Чухина, воспоминания Г.Д. Соколова опубликованы в книге М.Сурова. Много писала о Рубцове в Липином Бору Нинель Старичкова. Мне кажется, это место действительно было знаковым для поэта, здесь он отдыхал душой и телом, встречался с друзьями, много гулял в окрестных лесах и борах, здесь приходило к нему творческое вдохновение.

В наше время жители Липина Бора знают и хранят память о местах, связанных с поэтом Рубцовым. В селе сохранился дом родственников Нинель Старичковой, где прошло ее детство, и где гостил Николай Рубцов. Одно из его стихотворений, посвященных селу, называется «Гуляевская горка».

***Остановись, дороженька моя!
Все по душе мне — сельская каморка,
Осенний бор, Гуляевская горка,
Где веселились русские князья.***

На пересечении улиц Пионерской и Первомайской в былые годы заканчивался Липин Бор, далее был красивейший сосновый бор, и очень крутая горка вела на аэродром. Называлась она Гуляевская, в честь помещика Гуляева, проживавшего когда-то на берегу реки Боровки. Сейчас на месте этой горки просто небольшая возвышенность, так как для удобства движения транспорта, горку на этом месте почти сравняли и уложили асфальтовую дорогу. Зато на краю так называемого Больничного парка до сих пор стоит усадебный дом помещика Гуляева. Сейчас он в частных руках, но пока не подвергся глобальной перестройке.

В стихотворении «Сосен шум», поэт описывает моменты своего пребывания в Липином Бору и упоминает про районную гостиницу. По воспоминаниям Сергея Чухина, Рубцов провел в гостинице только одну ночь – холодно, да и шумно, а в дальнейшем ночевал уже в редакции газеты. Я побывала в этом здании: когда-то оно было деревянным, а потом было облицовано белым кирпичом. Интересно, что обстановка внутри, расположение кабинетов с того времени не менялось. Сохранилась печь, которая холодными зимними вечерами обогревала Николая Рубцова, сохранилась пишущая машинка, на которой был отпечатан его сборник «Звезда полей», в редакции есть ряд предметов того времени: радиолы, часы-будильник. Когда-то здесь в небольшом подсобном помещении была организована миниэкспозиция, посвященная нашему знаменитому земляку, но т.к. она «морально устарела», со временем была демонтирована. Сегодняшний редактор газеты Андрей Барабанов поделился с нами планами разместить на здании редакции памятную доску и организовать новую выставку, рассказывающую о поэте. Для этого благого дела редактор готов даже пожертвовать своим личным кабинетом. Он рассказал, что первоначально в рубцовском стихотворении было написано «сiju в редакции районной», но перед публикацией Рубцов заменил «редакцию» на «гостиницу», объяснив это так: «Ведь люди будут думать, что у вас тут ночлежка!». «Свет соседнего барака», который упомянут в стихотворении, - не что иное, как окна старого здания хлебопекарни, которая работала круглосуточно, это здание стоит там и поныне.

Жители Липина Бора любят и ценят творчество Николая Михайловича Рубцова. В районной библиотеке постоянно действует выставка, где представлены материалы о поэте и его сборники, здесь регулярно организуется Рубцовская литературно-музыкальная гостиная, а также фотовыставки, посвященные рубцовским местам Липина Бора. Память о поэте жива в этих краях и, я уверена, будет жить еще долго.

Вера Галушкина
(из книги «Рубцовский сборник», 2019 год)

Посвящения

ЛИПИН БОР

Здесь поэт Рубцов гостил когда-то,
Он любил селенье Липин Бор.
В городе поэту тесновато,
Ну а здесь еще какой простор!..

Он тогда не шибко был известен...
А иным, пожалуй, невдомек:
Липин Бор, быть может, тем чудесен,
Что горит здесь русский огонек.

С думой о явлениях без названья
Уголок заветный навещал.
Сосен шум, как вековую тайну,
И хранить и помнить завещал.

Потому не жил Рубцов без песен...
Так шуми, старинный Липин Бор,
Осеняй собою поднебесье,
Окрыляй чарующий простор.

Сергей Круглов

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Земля твоя, Рубцов, печальна.
А древний Липин Бор - угрюм.
И на земле твоей ночами
Я долго слушал сосен шум.

И над ночным Софийским храмом,
При монотонном плеске вод
Как бы в единой круглой раме
Висел зеркальный небосвод.

Звезда над полем подымалась
И ночи лунное пятно
Все ярче, шире расплывалось,
Реки высвечивая дно.

И осень птиц на юг бросала,
А ночи были все темней,
Но с новой силой засияла
Звезда полей, звезда полей...

Геннадий Морозов

МАЛАЯ РОДИНА

На нашей Вологодчине красивых мест не счесть,
Но вот на Белом озере село такое есть,
Где берега высокие и сосны им под стать,
Мой Липин Бор, сосновый бор, такая благодать.

Малая Родина, малая, чайки кружат над водой.
Милая Родина, малая, я не расстанусь с тобой.
Малая Родина, малая, солнечный луч на воде.
Милая Родина, малая, лучше нет края нигде.

На побережье северном простор полей и лес,
Огнями из- за озера сияет Белозерск.
У нас он начинался – мы знаем с давних пор,
Хранит историю о том красавец Липин Бор.

А Липин Бор прекрасен и без больших дворцов,
Когда – то восхищался им Николай Рубцов.
Воспел наше селенье и слушал сосен шум,
Явилось просветленье его вечерних дум.

Галина Державина

А БОР ШУМЕЛ

В старинном нашем поселенье
Не раз гостил поэт Рубцов.
И здесь являлось просветленье
Вечерних дум в ночи без снов.

Любил гулять в бору сосновом,
Которым славен Липин Бор.
А бор шумел, насупив брови,
И с ветром вел давнишний спор.

Рубцов в гостинице районной
Жил по-простому, печь топил,
Глядел в ночи в проем оконный,
Ходил по комнате, курил.

А бор шумел, даря поэту
Сказанья древние свои,
Которые особым светом
В его душе огонь зажгли.

Огонь любви к родному краю,
К российской милой стороне,
Где ветер в печках завывает,
И ставенки стучат в окне,

Где человек с душой богатой
Живет с любовью и любим,
С судьбою не играет в прятки
Деревни русской верный сын.

Он на завалинке высокой
Меха гармошки развернет,
По вологодскому поокав,
Лихую песню заведет...

Писал поэт под сенью ночи,
Скрипел в блокнотике пером.
Глубокий смысл он вложил в строки:
«За все добро расплатимся с добром».

Людмила Старикова

НА ДЕРЕВЕНСКОЙ СЦЕНЕ В СТАРОМ КЛУБЕ (Воспоминание)

Двадцатый век. Шестьдесят седьмой год – лето:
И было радостно на сердце, и светло
В тот день, когда приехали поэты
И в наше отдалённое село.

Я вспоминаю августовский вечер:
Наш старый клуб народ едва вмещал.
С поэтами из Вологды на встречу
Спешил сюда прийти и стар, и мал.

Известные прозаики, поэты
На время отвлекли от дел народ.
И жители глубинки, словно дети,
Воспринимали всё, разинув рот.

На деревенской сцене выступали:
Белов и Яшин, Чухин и Чулков,
И Викулов Сергей, и Александр Романов,
Поэты и писатели ещё.

Запомнился мне громогласный Яшин
(Он был на Маяковского похож).
Писал о деревенской жизни нашей
Писатель замечательный Белов.

Запомнился ещё поэт Романов
(Автограф он мне в книге написал).
Казалось, в этот вечер в клубе старом
Сам Дух поэзии в стенах его витал.

Вот незаметно вышел к микрофону
В костюме тёмном молодой поэт,
И голосом уверенным, спокойным,
Прочёл стихи «Звезда полей», «Букет».

Зал зачарованно внимал поэту,
Хотелось верить всем его словам...
В стихах его, таких простых и светлых,
Любовь сквозила к северным краям.

А «Русский огонёк» стихотворенье!
Оно, как откровение души:
«За всю Любовь расплатимся Любовью» -
Слова звучали значимо в тиши.

Селяне с лёгким юмором встречали
Стихи, что им понятны и близки:
«Я забыл, как лошадь запрягают»,
И как скрипят поэта сапоги.

Вот, артистично хлопнув по карманам,
«Элегию» поэт нам прочитал.
И быстро оживились люди в зале –
Народ поэту вновь рукоплескал.

Жаль, не было в то время книг Рубцова,
Хотелось многим их приобрести.
Литературное ценили люди слово,
В прокуренном фойе дебаты долго шли.

Николай Рубцов – поэт наш русский,
Известность он большую получил.
И, как провидец, написал с глубоким смыслом:
«Россия, Русь! Храни себя, храни!».

На стихи Рубцова много песен,
На душе от них и чище, и светлей.
Творчество поэта интересно,
Не погаснет никогда «Звезда полей»!

Далёкое я вспоминаю лето:
Наш старый клуб и тёмный кинозал.
Как с группой известнейших поэтов
Поэт Рубцов в село к нам приезжал.

Он любовался озером и бором,
И посетил село ещё не раз.
Его стихи «Гуляевская горка»
И «Сосен шум» порадовали нас.

Наш Липин Бор его «приветил»,
В любое время года вдохновлял.
Взывал к мечтам озёрный ветер,
Поэта в путь – дорогу провожал!

Людмила Старикова

Н.М. РУБЦОВ

Видел он многих лучше,
Многое замечал,
В строчках слова не мучил,
Очень легко писал.

Скажут, что он при этом
Больше, чем надо, пил...
Был он во всем поэтом,
Так, как поэт, и жил.

Разная всем дорога:
Падать на ней, вставать...
Верно, ему от Бога
Было дано писать.

Вроде, сюжет не броский:
Горница, ночь и мать...
Как он легко и просто
Строчки умел слагать!

Ивы, над полем туча,
А за рекой - погост...
Не было в мире лучше
Места ему, где рос!

Листья, цветы, рассветы,
Родина, ночь, зима...
Строчки в его куплетах,
В песнях его слова!

Нам бы при жизни больше
Слушать его, читать,
Может, он жил бы дольше...
Если б об этом знать!

Мы еще не расстались,
В памяти россыпь слов.
С нами стихи остались.
Значит, живет Рубцов!

Николай Кириллов

РУБЦОВСКАЯ ОСЕНЬ

Ах, Рубцов и рубцовская тихая осень –
Поэтический, праздничный наш фестиваль!
Плачет дождик, но снова небесная просинь
Нам откроет, покажет безбрежную даль...

Жаль Рубцова - Поэта, ушедшего рано
В ту морозную тёмную ночь навсегда.
И болит, и болит незажившая рана
От того, что погасла до срока звезда,

От того, что поэзии вольная птица,
Что летала под куполом синих небес,
Обломала вдруг крылья, чтоб насмерть разбиться,
И упала, чтоб больше не видеть чудес.

Мы его не спасли, не смогли, не успели,
Не подумали даже об этом тогда,
Или просто не знали и знать не хотели
То, как падает птица, сгорает звезда...

Только чуть поменялась мозаика мира,
Вдруг умолк, оборвался чарующий звук ...
В эту ночь замолчала рубцовская лира,
Без него продолжается жизненный круг.

Остаётся земля и небесные своды,
Остаётся сияние ярких зарниц,
Только кажется мне – поменялась погода,
Стало меньше красивых, летающих птиц.

По полям, по просторам любимой отчизны,
По снегам, или травам седым от росы,
Может, снова таинственный всадник промчится,
То ли птица невиданной, редкой красы!

Я надеюсь, какой-нибудь маленький мальчик
Или девочка, глядя в безбрежный зенит,
В небо синее вытянет розовый пальчик:
- Мама, мамочка, птица какая летит!

Николай Кириллов

СУДЬБА ПОЭТА

Я мог бы встретиться с поэтом,
Когда жил в Вологде Рубцов,
Но не случилось встречи этой,
Не разглядел его в лицо.

О нём в газетах не писали -
Кто виноват и чьи грехи?
И очень многие не знали:
Какие он писал стихи!

И песню «В горнице» не пели,
О нём в эфире – ничего...
Мы оглянуться не успели –
В крещение ночь и ... нет его.

Стихов Рубцова было мало,
Он в школьных классах не звучал,
Но Русь его уже читала,
Та, о которой он писал.

Сейчас известен он в народе:
Стихи, талант, рубцовский шарм,
Его пальто не по погоде,
На шее – всем знакомый шарф...

Ему все почести – посмертно
От тех, кто слышит и глухих...
Всё, что талантливо – бессмертно:
Картины, рукопись, стихи...

Мы почему потом узнали
О нём, страдая и скорбя?
В ту ночь морозную теряли
Кого? Его, или себя?

Николай Кириллов

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

За окном январь и снег сегодня,
Чуть румянит холодом лицо,
Проруби - Крещение Господне,
Снова вспоминается Рубцов.

Слишком поздно или, может, рано
Появился на Земле Рубцов?
Грусть его и боль душевной раны,
И талант с трагическим концом...

Божий дар Рубцова отличался,
Всё звучало, пело у него,
Он стихами дум и душ касался,
Звёздным светом «В горнице» его!

Был Поэт не приспособлен к жизни,
Но умел стихи слагать свои,
Воспевал, любил свою Отчизну!
Сам был беззащитен и раним...

Убивает сплетня, ложь и зависть,
Холод равнодушия и злость...
Многих мы в пути не досчитались,
И его сберечь не удалось,

И других его стихотворений -
Кружево из русских слов и строк,
Всех его душевных откровений
На разметке жизненных дорог.

И умолк Поэт январской ночью,
Всё сбылось: предчувствие, мороз...
И увял тот аленький цветочек,
Что он нёс за мамой на погост.

Мы не помним критиков и судей,
Кто учил его писать и «жить».
А Рубцова будут помнить люди,
Будут на могилу приходить

И читать стихи его, заветы,
Будут вспоминать и говорить...
На слова любимого Поэта
Песня, как молитва, в нас внутри.

Николай Кириллов

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Страна потеряла Рубцова
В январский крещенский мороз,
Его я не видел живого,
Об этом жалею до слёз...

При жизни его не признали,
Талант не пускали на свет...
И многие даже не знали,
Что был он от Бога поэт!

Он чувствовал что-то такое,

Что рядом витало едва,
Умел отличить дорогое
И песней звучали слова!

Не славил он партию власти,
Без этих руля и ветрил
Писал он о горе и счастье,
О том, что безмерно любил!

Стихи не писал, как плакаты,
Свои дифирамбы не пел
На разные круглые даты...
Писал о своём, как умел.

Талант – очень редкая штука,
Когда его нет, - не найдёшь,
Бессильны упорство и мука.
Талант, говорят, не пропьёшь!

Свои у Рубцова законы,
Которых нельзя повторить,
Как копии ценной иконы
Не могут шедевр заменить.

Ему подражать бесполезно,
Об этом известно давно,
Как в космос шагнуть или в бездну...
Что многим, увы, не дано.

Написано много другого,
Другие дела и грехи ...
А мы вспоминаем Рубцова,
Его повторяем стихи!

Николай Кириллов

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ РУБЦОВУ - 80 ЛЕТ

Он ничего не писал о войне...
Были о службе стихи и о море,
Но в большинстве – о родной стороне,
Строчки о жизни, о счастье, о горе...

Он воспевал полевые цветы,
Нашу деревню, поля и березы...
Сколько же он замечал красоты,
Светлую радость и детские слезы...

Строчка звучала сама по себе,
Очень умело подобрано слово!
Было непросто в любви и в судьбе
И ... не допетая песня Рубцова.

Чтобы печатать Рубцова и петь,
Чтобы признали его и любили,
Надо Поэту у нас ... умереть,
Чтобы узнали, прочли, оценили...

Время уносит события вдаль,
Многое более не повторится...
Только Рубцова особенно жаль,
Точно убитую холодом птицу,

Что поднялась высоко-высоко!
Многим не нравилось это, пугало –
Вдруг улетит далеко-далеко...
Делали все, чтобы птица упала.

Птица упала с большой высоты...
Это случается снова и снова...
Но остается пример красоты
Песенных строк Николая Рубцова!

Николай Кириллов

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

«Я умру в крещенские морозы ...»

Н. Рубцов

Родился однажды на севере мальчик,
Военное детство, сиротство, нужда,
А искра таланта горела всё ярче,
Потом загорелась как в небе звезда!

А мальчика море в свою бесконечность
Манило. Он в волны морские смотрел
И видел во всём свою синюю Вечность,
Как это Рубцов понимал и умел.

Он дивное диво увидел на суше,
Как видит незримое только Поэт,
Умел наблюдать и внимательно слушать,
Любям дарить поэтический свет!

Мы к строчкам его возвращаемся снова,
В них тёплый, особый, чарующий свет!
Читаю стихи Николая Рубцова

И каждая встреча, как новый рассвет!

В них музыка слова чиста и прекрасна,
Он многим сумел в этой жизни помочь,
А звёздочка свет отдала и ... погасла,
Так рано, в январскую звёздную ночь.

Николай Кириллов

ВСТРЕЧА С Н.М. РУБЦОВЫМ

На «Рубцовской осени» привычно
Много разных встреч и адресов,
Всё происходило, как обычно,
Не забыт у нас поэт Рубцов.

У его могилы продолжалось
Это действие разных слов и лиц.
Вдруг, в природе что-то поменялось,
Появились стаи разных птиц.

Птицы те кричали и кружились,
Не спешили пропадать вдали.
И откуда только появились?
Мне казалось, что из-под земли,

От Рубцова, из его молитвы,
Ловко зарифмованной в стихи,
Будто приоткрыли нам калитку,
Что скрывает мёртвых от живых.

Эти птицы нам напоминали
То, о чём Рубцов стихи слагал,
Чтобы мы его не забывали,
Всё, что он любил и воспевал.

Память нам устроит с прошлым встречу,
Будто солнце выйдет из-за туч.
Всё взаимосвязано, как Вечность,
Где талант бессмертен и живуч.

Николай Кириллов

СНОВА О РУБЦОВЕ

«Бабье лето» и начало осени,
Под ногами ковер листопада,
Небо яркое в летней просини,
Холодит лишь ночная прохлада.

Собрался народ у редакции,
Любители поэзии, чтецы и поэты,
И денёк – то удался прекрасный,
Словно не осень, а позднее лето.

Перед глазами стена кирпичная,
Портрет Рубцова, задумчивый его взгляд,
К редакции дорога всем привычная,
Теперь с поэтом все поговорят.

Он, может, не знаком простому обывателю:
«Ну не читал... ну не люблю стихов...»,
А вот любителю поэзии читателю
«Бальзам на душу» от рубцовских слов.

Здесь он в редакции бывал, бесспорно,
И печь топил, когда там ночевал,
Здесь напечатан его первый сборник,
Здесь он о жизни, о России горевал.

Ещё на добрую он нам оставил память:
«Гуляевскую горку» и сосновый бор,
«Берёзы» с разноцветьем листопада
И гармошки звонкий перебор.

Потом в день ясный или под дождём,
Очередной рубцовской осенью,
К нему сюда с поклоном мы придём,
За всё, за всё прощения попросим.

За то, что совсем опустели деревни,
Да их уже мало, почти что нет,
А если ещё и стоит домик древний,
То в нём уж давно не горит Божий свет.

Не пашутся поля порою вешнюю,
Заросли кустарником и лебедой,
Ждёт пахаря земля осиротевшая
И плачет над вселенскою бедой.

Что говорить? Он всё сказал когда – то,
Ему мы поклонимся до земли,
И пусть звенят его слова набатом:
«Россия, Русь! Храни себя, храни

Нина Кочуева, сентябрь 2021 г.

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Заживляя душевные раны,
Ты на озеро наше глядел.
Липин Бор – не заморские страны,
Но он сердце твое отогрел.

Пусть на миг, пусть совсем ненадолго
Ты забылся, и чудные листья
Все валялись, валялись под ноги.
Ветер в соснах гулял и резвился.

Здесь была тишина и неспешность,
Здесь прохожие вовсе не знали
Про талант твой великий, нездешний.
Не глазели и не шептали.

Как пацан, ты всему удивлялся,
И глядел, и не мог наглядеться.
Ты фигурою не выделялся,
Как простые все люди оделся.

В мире осень была золотая,
Ты гулял по Гуляевской горке.
Журавлей плыла длинная стая,
Эти дни твои не были горькими...

Вера Мельникова

К РУБЦОВУ

Ты стоял на берегу Озера. Была темная ночь, лето жило и сводило с ума Вдохновением. Я была твоей Тенью и Твоим Вдохновением.

Ты бросил камушек в хрустальную воду, и он разбил рыжее отражение Селены на тысячи осколков... Серебряные брызги разлетелись в разные стороны, достигая громадных тучных облаков.

Ты медленно брел, брел вдоль темной полоски воды, изредка вскидывая голову, и разбрасывал строчки стихотворений по всей Земле.

Вода тихо плескалась, проглатывая темноту оставшейся ночи. На озере поднимался розоватый Рассвет, занимая своим отражением посветлевшую воду озера. Расходились ночные тучи. Ты шел по дороге, обдумывая строчки стихотворения. Взмахнув ресницами, Заря подарила Тебе несколько слов и улетела. Ты вписывал их в свои мысли.

Начался новый День, монотонный прибой укачивал мысли и ласково обволакивал.

Ты медленно брел по песку, еще холодному от ночной темноты, дарившему тебе описание будущих пейзажей.

Начался новый день, началась дорога к твоему новому стихотворению.

Ирина Зайцева

ПОСВЯЩАЕТСЯ НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

В твоих стихах вселенская печаль
Объемлет мир с забытым Богом,
Где каждую былинку жаль,
Как и звезду, упавшую над стогом.

Светлеет золотом осенний лес,
Приют отшельника и воли,
И свет зари в сиянии небес
Как обещаенье лучшей доли...

Здесь жизнь, как истина, проста,
Без громких слов, особых правил,
И что – то ждёшь от завтрашнего дня,
А прошлое вдали навек оставил...

Дни пролетают стаей журавлей,
Уносят боль, щемящую в груди,
Теряя на пути своём друзей,
Нам всё равно, что будет впереди...

Деревни стынут на ветру
И, сбросив паутину сна,
Дымком курятся поутру,
Берясь за старые, привычные дела!

И лишь лучистая холодная звезда
Глядит бесстрастно – молчаливо с высоты
На мир людской и бесконечной суеты,
Дождливым утром, исчезая без следа.

Татьяна Шевелёва

СНОВА ВСТРЕЧА С РУБЦОВЫМ

Холодная кирпичная стена,
Но теплый, хоть и грустный взгляд Рубцова,
Пусть лишь портрет в редакции «Волна»,
К нему на встречу собрались мы снова.

Сказать, что его помним и читаем,
Его стихи полны душевной боли,
И вместе с ним и любим, и страдаем,
И рвущая из души слова на волю.

Храни Россию, Бог, за дело правое
И правильной дорожкой веди!
Без мракобесов, нечисти лукавой
Нам светлая дорога впереди!
Живи, Россия, Родина, живи!

Н. Кочужева

Содержание

СОСЕН ШУМ	3
ПОД СОСНАМИ ЛИПИНА БОРА	4
ГУЛЯЕВСКАЯ ГОРКА	5
ИЗ КНИГИ НИНЕЛЬ СТАРИЧКОВОЙ «НАЕДИНЕ С РУБЦОВЫМ»	6
ВОТ ТАКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ... Лидия Кузнецова	20
РАСПЛАТИМСЯ ЛЮБОВЬЮ... Василий Елесин	22
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ Сергей Чухин	25
МОЙ РУБЦОВ Валентин Коновалов	27
РУБЦОВ! СОЗДАТЕЛЬ СЛАВНЫХ КНИГ, ТЫ СТАЛ СОВСЕМ РОДНЫМ НАРОДУ! Людмила Фофанова	29
ПОЭТ НИКОЛАЙ РУБЦОВ И СЕЛО ЛИПИН БОР Вера Галушкина	31
 ПОСВЯЩЕНИЯ	
ЛИПИН БОР Сергей Круглов	35
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА Геннадий Морозов	35
МАЛАЯ РОДИНА Галина Державина	36
А БОР ШУМЕЛ Людмила старикова	36
НА ДЕРЕВЕНСКОЙ СЦЕНЕ В СТАРОМ КЛУБЕ Людмила Старикова ...	37
Н. М. РУБЦОВ Николай Кириллов	39
РУБЦОВСКАЯ ОСЕНЬ Николай Кириллов	40
СУДЬБА ПОЭТА Николай Кириллов	41
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА Николай Кириллов	41
НИКОЛАЮ РУБЦОВУ Николай Кириллов	42
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ РУБЦОВУ - 80 ЛЕТ Николай Кириллов ...	43
НИКОЛАЮ РУБЦОВУ Николай Кириллов	44
ВСТРЕЧА С Н. М. РУБЦОВЫМ Николай Кириллов	45
СНОВА О РУБЦОВЕ Нина Кочуева	45
НИКОЛАЮ РУБЦОВУ Вера Мельникова	47
К РУБЦОВУ Ирина Зайцева	47
ПОСВЯЩАЕТСЯ НИКОЛАЮ РУБЦОВУ Татьяна Шевелёва	48
СНОВА ВСТРЕЧА С РУБЦОВЫМ Н.Кочуева	48

Здесь поэт Рубцов гостил когда–то...

Воспоминания о встречах в селе Липин Бор

Тираж 50 экз.

Бюджетное учреждение культуры
Вашкинского муниципального района Вологодской области
«Межпоселенческая центральная районная библиотека»
161250, Вашкинский район, с. Липин Бор,
Ул. Первомайская, д.8, т/ф.(81758)2-18-96
Верстка АНО «Редакция газеты «Волна»
Печать.....